

Часть четвёртая

Мой друг Люся

Вступление

Когда со смерти Люси прошли всего недели, мысль о скорейшем закреплении памяти о ней стала постоянной, перестала отпускать меня. Предстояло успеть создать два памятника: один – над её могилой, а другой – текст о ней на моём сайте и потом, тогда лишь не исключал, на бумаге.

Этого нельзя было откладывать, дожидаться, пока мысли созреют, когда горе, как прямолинейно уверяли, уляжется. Мне уже слишком много лет, а без Люси существование стало уж совсем шатким.

Оно, существование, стало едва ли не бессмысленным. Долгие годы нашего общего пути Люся была несколько лет возлюбленной, затем ровно 50 лет женой и всегда коллегой, помощницей, другом. И я, с течением времени всё более ведущий на этом пути, не замечал, что, сверх того, в моём театре одного актёра она была единственным зрителем, отзывчивым и необходимым. Вдруг стало очевидным, что чуть ли ни любое моё действие нуждалось в её совете, одобрении, восхищении.

Я собирался что-то предпринять, например, по весне пропустить окна в квартире и говорил: «Как думаешь?». Она без особой охоты отвечала: «Давай». Выполнив (по четыре окна: она маленькие на Север, я побольше и с лазаньем на Восток), говорил: «Смотри, как веселей стало!». Она: «Мне тоже нравится, хорошо получилось». Тогда за ужином можно было выпить не просто за здоровье, как обычно, а в честь достигнутого успеха. А теперь, кто скажет это давай и это хорошо, да и разве мне важно услышать это от кого-то другого?

Мы давно договорились не пренебрегать даже малой радостью, не медленно радоваться, пока есть хоть какой-то повод и пока жизнь не подложила опять какую-нибудь гадость – нам, нашим близким и друзьям, нашей родине, а также и стране, где мы уже 23 года благодарно жили и где мы упокоимся. И радость мы закрепляли застольным столом. Люся была моим верным, охотным почти ежедневным собутыльником, ценила выпивку как церемонию, как праздник и чувствовала себя на нём дамой. Пьяной ни разу не была, хотя на мой вопрос: «Может, ещё по рюмочке?» – редко отвечала «мне хватит», а чаще «давай». Последний год я наливал её совсем мало.

Теперь, когда я наливаю себе рюмку и вижу по другую сторону стола лишь пустой стул, получается не радость – слёзы.

В память о своём муже-поэте, на редкость зорком, независимом и подолгу нищем, Надежда Мандельштам совершила исключительный подвиг: *«Вместо смысла жизни появилась конкретная цель: не дать затоптать след, который оставил на земле этот человек, моё «ты», спаси стихи. В этом деле у меня была союзница – Ахматова»*. Плюс к сохранению стихов, она написала две замечательные книги неприятных и ревнивых воспоминаний о нём и об их окружении. Она неразлучно прожила со своим мужем Осипом неполных 20 лет и через тридцать лет после его безвозвратного ареста написала во «Второй книге»: *«... сразу узнала, что самое трудное это садиться за стол и есть в одиночестве. К этому привыкнуть нельзя...»* Да, одинокие застолья печальны.

Предмет моих воспоминаний, Люся, неизмеримо скромнее, но мне она не менее дорога, чем Надежде её Ося, и кажется вполне достойной моего описания и запоздалого обдумывания.

Приступая, понимал, что труд предстоял долгий и тяжёлый. Советчицы теперь нет, но я всё равно по привычке обращаюсь к ней, часто даже вслух, и тогда вздрагиваю, опоминаюсь, но ответ всё-таки возникает. Пройти этот путь было нужно, и я пошёл.

Ведь что такое люди без памяти о прошлом? Пустышки.

Глава 1

Родители и от детства к молодости

Со слов Люси

Далее приведено письмо, написанное Люсей. Оно в чуть поправленном виде уже было представлено как небольшой раздел в моей вместе с братом «Книге ХХвек». Теперь я прямо в этот текст внёс уточнения и дополнения согласно тому, что я слышал от Люси и наблюдал сам. Текст письма, как и другие не мною написанные тексты, выделен *курсивом* и кавычками.

«О маме. Она была очень хорошей мамой для нас с Ирой и бабушкой для Кати и Максима. Но прожила она так недолго!»

Поясняю: Ира – сестра Люси, младше её на два года, Катя – дочь Люси, Максим – сын Иры.

В молодости мама Галина Зосимовна, в то время комсомолка, мечтала украсить свою миловидность хоть косыночкой. После замужества она работала, насколько я знаю, в химической лаборатории, только в начале 1940-х годов. В остальные времена вела дом. Тем не менее, была членом партии, состояла в партячайке при домоуправлении, непременно посещала занятия по марксизму-ленинизму и пунктуально конспектировала «первоисточники». Эти конспекты потом помогали её дочерям сдавать соответствующие экзамены в институте.

Она была не просто хорошей мамой, а слишком. Тут соединились два обстоятельства. Первое – большое почтение к знанию, к учёбе дочерей, второе – она, стесняясь своего как бы нетрудового положения, старалась все домашние дела взять на себя, дать дочкам максимум для их учёного развития. В силу своего комсомольского прошлого владея вовсе не всеми необходимыми в той жизни домашними женскими премудростями, она и дочерей не научила практически ничему.

«К сожалению, все наши бумаги пропали при эвакуации – у меня даже свидетельство о рождении из Казахстана. Часть бумаг была

уничтожена потом отцом: как ты знаешь, люди, особенно, в должности отца, в то время боялись хранить лишние бумаги.

Должна с горечью признаться, что по глупости мы недостаточно интересовались прошлым семьи. Теперь я об этом очень жалею, но сделать мало что можно.

Я попытаюсь связаться с Минском, где живет мой последний двоюродный брат с маминой стороны, – он постарше меня немного и, может быть, что-то знает дополнительно.

Я же знаю не очень много.

Настоящее имя мамы Дворецкая Гольда Зуселевна (где-то году в 1950-м мама сказала, что все знакомые просят ее называть как-нибудь попроще, и ее стали звать Галиной Зосимовной). Она родилась в 1910 году в Гомеле. Гольда – это значит золотая, а отца ее звали типичным еврейским именем Зюс. Нам всегда говорили, что ее отец был сапожник, но теперь я в этом сомневаюсь, так как мама начала учиться в гимназии в Минске еще до революции, да и их фамилия не очень этой профессии соответствует.

В семье было 4 сестры. Одна умерла молодой, а младшая умерла пару лет назад в очень преклонном возрасте.

По окончании гимназии мама поступила на рабфак, а потом, привав себе два года (потом всегда считалось, что она с 1908 года), поступила на химический факультет Московского университета.»

Более подробный вариант был сообщён Люсе упомянутым ею минским двоюродным братом Броником:

«Наши матери родились в г. Мозыре, на юге Белоруссии, в самом центре белорусского полесья. У бабушки, Дворецкой Песи Ароновны (1879-1955), было шестеро детей – сын и пять дочерей. Сын умер в детском возрасте. В начале 30 гг. бабушка переехала в Минск. Она выучила русский язык, а когда моя сестра Инна пошла в школу, вместе с ней учились писать и читать. До этого знала только идиш. В 1941 г., спасаясь от немцев, в возрасте 62 лет прошла пешком 300 км от Минска до Могилева. Похоронена на Восточном кладбище в Минске.

Наши дед работал на бойне. По воспоминаниям он был очень сильным человеком, руками гнул подковы. Звали его Зусель. Однажды оншел вечером с работы домой, решил сократить путь, перепрыгнул

через забор и напоролся на воткнутые черенком в землю вилы. Вилы вошли в живот. Через несколько дней он скончался.

По воспоминаниям моей матери, жили они до революции не богато, но в достатке. Дед работал, а бабушка готовила и продавала куриный жир с зажаренными в нем хрустящими шкварками и луком. Он был очень вкусен.

Хотя в то время в Мозыре жили в основном евреи, все дочери учились в русском реальном училище, затем в гимназии. Звали их: старшую Рива, Броня (в ее память называли меня), Брохка (моя мать), Этика (Эмма) и Голда (Галя – твоя мать).

После революции в Мозыре постоянно менялась власть. Красные, петлюровцы, поляки, белорусские националисты и др. Почти при каждой смене власти проходили еврейские погромы. Думаю, это побудило всех сестер сотрудничать с большевиками.

В 1919 г. Риву большевики отправили в Киев. По дороге пароход, на котором она плыла, был захвачен. Уцелевшие пассажиры рассказали, что петлюровцы Риве предлагали перейти к ним, она отказалась, была выброшена за борт и утонула.

В 1920 г. установилась советская власть. Все четыре сестры вступили в комсомол и стали активно там работать. Они даже вступили в ЧОН (часть особого назначения) и с винтовками патрулировали город. (Наверное, это было довольно интересное зрелище: наши матери с их ростом чуть больше 1,5 м с винтовками со штыками, длина которых около 1,9 м). В одной организации с ними работала Вера Хоружая.

Всех четырех сестер Дворецких, как грамотных, в 1923 г. направили в Минск, на рабфак. Трех старших приняли, а Галю, самую младшую – нет. Пришлось ей год работать в типографии, после чего ее зачислили на рабфак. Жили они в общежитии. Во время учебы на рабфаке они активно работали в комсомоле, бегали на митинги, вели антирелигиозную пропаганду. Слушали Троцкого, Ворошилова, Маяковского и др.

В то время Минск был граничным городом, рядом в 20 км была Польша. Постоянно на границе происходили перестрелки, через границу осуществляли связь подполья в СССР с русскими эмигрантскими организациями. По Минску ходили патрули, среди патрульных были и

сестры Дворецкие. Постоянно ходили на митинги, которые устраивали у польского консульства.

Жили они в общежитии голодно, но дружно и весело. У нас постоянно останавливались их рабфаковские друзья, когда приезжали в Минск, а после 1956 г. – два бывших заключенных ГУЛАГа некоторое время жили у нас. Так что о лагерях я узнал задолго до «Архипелага Солженицина.

После окончания рабфака все сестры, за исключением Гали, были зачислены в университет. Твою маму не приняли как слишком молодую. Она год работала рабочей в типографии, а затем также была принята в университет».

Возвращаемся к письму Люси.

«Во время учёбы мама жила на Стромынке, где было много разных студенческих общежитий. Мама была маленького роста (мне по плечо), с темными кудрями и очень хорошенъкая. Но она влюбилась и вышла замуж за очень высокого, с деревенским окающим акцентом студента педагогического института – как тогда казалось, будущего сельского учителя Николая Александровича Хватова (1906 года).»

Он из большой крепкой крестьянской семьи в селе Красное в трёх верстах от Владимира, которая каким-то чудом избежала коллективизации. Сочно вспоминал, как они, комсомольцы, накинули верёвку на луковицу церкви, подернули и готово!

«Учителем отцу стать не довелось: после сталинской чистки, армии требовалась кадры, и его забрали в армию. Потом он закончил военную академию, стал офицером-политработником, пройдя войну, продолжал служить несколько лет и в мирное время, и закончил свою военную карьеру генералом.

Мама же провела почти всю свою молодую жизнь типичной женой военного – бесконечные переезды, воспитание детей, ведение дома. Так, я родилась в 1936 году в Ленинграде, а Ира в 1938 – в Москве, где отцу дали комнату в большом доме у стадиона Динамо. А в 1940 году мы уже жили в Риге, куда вошла Красная Армия и отец с ней.

В Риге мама работала, а мы с Ирой находились дома с няней. Война началась 22 июня, отец тут же оказался на фронте, мы остались с мамой, а 29-го Ригу уже заняли немцы. Первое мое впечатление от войны – это лицо мамы, которая прибежала домой во время воздуш-

ной тревоги и увидела, что мы с нашей няней пьем чай на балконе: няня воздушной тревоги не услышала.»

Попутно. Поразительна та уверенность в незыблемости происходящего, которая повела к переезду семьи в только что присоединенную Латвию. Мы с Люсей во время служебной поездки в Ригу нашли тот дом, где они жили. Это хороший буржуазный доходный дом, не сомневаюсь, с хорошими квартирами. Кто жил в квартире до семьи Хватова, куда они делись, какова их судьба? А жизнь в Риге при новой власти была ещё не та, что в Москве. Даже до меня тогда докатились рижские конфеты – в фантиках!

«Следующее впечатление – это нахождение в бомбоубежище, есть это был, видимо, склад для дров, и эти дрова были сложены вдоль его внешней стены. При близком разрыве бомбы все эти дрова на нас посыпались, и началась паника и давка.

Больше о военной жизни в Риге я ничего не помню кроме дороги, а вернее, бегства в эвакуацию.

Нам удалось уехать из Риги, кажется, последним из эшелонов, которые вообще смогли оттуда выехать. Было это 27 июня. Отец рассказывал, что этот эшелон был составлен для семей военных, они за ним следили и помогали пробиться в тыл.

Три первых вагона нашего эшелона разбомбили, эшелон изменил направление движения и смог вырваться. При каждой бомбежке эшелон останавливался, и люди бежали в лес. Сначала мама бежала вместе со всеми, но потом с двумя маленькими детьми уже далеко бежать не могла, и поэтому мы просто выбегали из вагона и ложились под насыпью лицом вверх. Мне казалось, что самолеты летят прямо на меня, и я и сейчас помню этот свой крик. Еще много лет после войны я просыпалась ночью от воя самолетов и моего страшного крика. Мои нервы оказались надолго рассстроеными.

Отец почти ничего не рассказывал о войне, но в связи с Ригой рассказал такой эпизод. Среди всей паники он решился вывести армейский архив. Нашёл полуторку, взял пару солдат, они прицепили к кузову пушку и рванули подальше от немцев. По дороге увидели, что поблизости из пулемёта какие-то стреляют по идущему эшелону с беженцами. Остановились, развернули пушку и прямой наводкой стрелков успокоили. Не наш ли это был эшелон?

Ещё помню, как он непривычно резко возразил на шутки по поводу обилия конницы в армии 1941 года: „Пока было отступление, что бы мы жрали, если б не лошади?“

Потом был долгий путь на Восток. Поскольку мама могла крепко держать в руках только нас – своих двух девочек – все наши вещи и документы были украдены или потеряны. У нас было только то, что на нас надето. Я помню, как какой-то мужчина в военной форме дал маме плитку шоколада, чтобы она могла нас чем-то покормить. Я мало помню весь этот путь, так как после летающих над моей головой и бомбящих нас самолетов он не так врезался мне в память. Но я хорошо помню слова мамы, которая потом говорила, что если бы она не была еврейкой, то ни за что не пустилась бы в такую дорогу из Риги. А так выхода у нее не было, тем более при муже-военном.

Наши путь был долгой дорогой странствий от одних родственников или знакомых к другим, пока мы не добрались до города Уральска (он в Казахстане), где жила сестра моего отца Плаунова Мария Александровна с двумя ее сыновьями – нашими с сестрой одногодками Владимиром и Анатолием.»

Кажется, первая остановка была у родственников под Владимиром. Там боялись бомбёжки (оттуда было видно зловещее зарево со стороны Москвы), вырыли во дворе окоп и при опасности отсиживались в нём. У Люси сохранился страх не перед этой бомбёжкой, а перед червяками, вылезавшими из стенок окопа.

По неоднократным рассказам Люси, уезжая из-под Владимира в Уральск, Галина Зосимовна оставила у родственников чемодан с их вещами, а вернуть его не удалось. Это противоречит тому, что, как написано Люсей же, «У нас было только то, что на нас надето». Так что, был ли чемодан или это aberrация памяти, – не знаю.

«Там мы жили, как и все эвакуированные. Мама работала, мы с Ирой ходили в детский сад. Ездили с мамой на полевые работы, сажали собственную картошку на выделенном нам далеко от дома клочке земли, потом ее всю кто-то выкопал и украл у нас.

В Уральске нас разыскал отец, получивший отпуск после ранения. После этого мама стала получать так называемый аттестат – как бы часть зарплаты отца, и жить стало легче. В 1943 году мы вернулись в Москву и жили по очереди у маминых подруг, так как своего жилья у нас не было.

В сентябре 1943 года я пошла учиться в первый класс школы. Мама давала мне с собой кусок хлеба, так как я была очень тощая и сла-

бая. Но этот хлеб у меня отбирали, и учительница попросила маму этого не делать.»

Далее – небольшой Люсин текст, написанный по другому поводу.

«Всю свою юность я страдала потом от малокровия и пониженного давления.

В Уральске маме пришло восстанавливать все наши документы. Поэтому я имею свидетельство о рождении, выданное в 1943 году в Казахской ССР. Собираясь в Германию, я запросила в Санкт-Петербурге копию моего оригинального свидетельства, и, к моему удивлению, она мне была прислана, т.е. во время блокады архивы не были утрачены.

Запрос о регистрации как эвакуированной в Красном Кресте ничего не дал – видимо, как индивидуально эвакуированные мы не попали в их архив. По их совету, я написала в архив Казахской Республики, а они уже по своей инициативе переслали мой запрос в Уральский архив. Оттуда пришел ответ о том, что мы там зарегистрированы как эвакуированные.»

Возвращаемся к письму.

«Отец закончил войну с Гитлером в Кёнигсберге, откуда их пятую армию перебросили на Дальний Восток для войны с Японией. Когда эта война кончилась, отец вызвал нас к себе в город Спасск (это котрый со «штурмовыми ночами»). Потом мы жили в Хабаровске и в городе Ворошилов Уссурийский (теперь Уссурийск).

Свой брак родители официально оформили в 1947 году как раз, когда распадалось много браков, заключённых военными до войны, и когда брак с моей мамой стал не слишком подходящим для отцовского положения.»

Думаю, окружающим действительно казалось в это время вызывающим, что он живёт с уже немолодой еврейкой да ещё вне официального брака, т.е. вроде бы по склонности. Держался мужественно.

В Ворошилове он занимал высокое положение. Сужу по тому, что семья командующего округом, кажется, Бирюзова занимала целый дом, а семья Хватова, по словам Люси, – половину.

Дочери двух этих семей дружили, Люся ходила к подруге смотреть фильмы в их просмотровой комнате. В отличие от меня, жившего в

столице, но без гроша в кармане, она повидала массу фильмов, и отечественных, и «трофейных». Любовь Люси к зреющим уступала, мне кажется, только любви ко мне.

Гарнизонная жизнь отгорожена от мира. Вот сцена. Люся с подругами болтают у ворот к их домам. Мимо идут отвязные парни, и один из них пытается обнять Люсю. Та – в возмущённый протест. Другой парень оттаскивает шалуна со словами, что, мол, не видишь, что ли, на каких напал, ограбёшь на шею. С дворовым и блатным фольклором Люся была совершенно не знакома.

Люся участвовала в разнообразных школьных спортивных соревнованиях, и её высокая самооценка не позволяла ей огорчаться неуспехами.

Высокая должность отца не помогла, а, вероятно, помешала (за-вистники?) Люсе получить Золотую медаль, которой она заслуживала и на которую рассчитывала. В её сочинении нашли (не исключено – подставили) какую-то мелкую ошибку. Из-за этого не решилась поступать в университет, а ограничилась энергетическим институтом. Это был первый и чуть ли не единственный удар по её самолюбию.

«В 1952 году отец был делегатом 19-го съезда партии. В Москве во время съезда у него случился обширный инфаркт, и его перевели на работу в Москву.

Это были хорошие для нашей семьи годы. Страх, преследующий людей, после смерти Сталина ослабел, отец работал в Генштабе, у нас была хорошая квартира у Таганки, почти в центре города. До этого наша семья пользовалась казённой мебелью с бирками, а теперь родители завели свою. В смысле военных трофеев отец держжал себя в строгости, был белой вороной.

Отец, мать, Люся, Ира. 1950-е годы

С войны с Германием он привёз большую репродукцию картины, изображавшей пейзаж с коровами, а из Китая – вазу с сельскими пейзажами и японский большой кинжал. Всё.

Я успешно поступила в институт, Ира хорошо окончила школу и тоже поступила в институт, вела наш дом мама.

Но в 1956 году, когда была предпринята попытка реконструировать армию, отец в числе многих его знакомых и товарищей ушел в отставку – он не захотел, как он объяснял нам, принять другую более низкую должность. Мы очень за него беспокоились, так как не представляли себе, что он без работы делать будет. Но тут пригодилось его первое образование: он стал преподавать в техникуме связи политэкономику и делал это много лет, ведя при этом и общественную работу с ветеранами. В 1959 году армия предоставила ему небольшой дачный участок под Москвой и не задорого (по теперешним понятиям) построила бревенчатый дом с колодцем и туалетной будкой. С тех пор родители проводили лето там, и там же проходило воспитание внуков и правнуков.

А мама до самой своей смерти в 1979 году вела отцовский дом, помогала растить внуков, особенно мою Катю, и незадолго до болезни, которая в конце концов ее погубила, во время семейного праздника (не помню какого) сказала, что она довольна прожитой ею жизнью.

Отец, соединившись с семьёй внучки Кати, жил еще долго и умер после многих болезней в 1992 году. На поминках представитель армии сказал, что перед похоронами он ознакомился с личным делом отца и обнаружил, что отец прошёл службу вполне достойно, без бесчестья. Много повидав отношение отца к людям более низкого социального положения, к адъютантам, денщику, рабочим, я поражаюсь тому, что до меня доходит о жестокости в современной армии.»

Полагаю, Николай Александрович, политработник высокого ранга, подписал за время службы немало чудовищных документов. Но не сомневаюсь и в том, что не он был их инициатором, доносов не писал, интриг не выдумывал, а лишь действовал по положению – назывался груздём, полезай в кузов. Успешная его карьера объясняется не его инициативностью, а, скорее, отсутствием жадности и осторожностью человека «себе на уме». Он не посягал на чужое, искренне придерживался того, что называлось «партийная скромность», не выслуживался, отсюда – был надёжен и удобен начальству, не вызывая острой зави-

сти у ровни. Вот пример. Его жена Галина Зосимовна тяготилась своим положением домашней хозяйки и желала работать учителем или хоть в канцелярии. Николай же Александрович решительно этому препятствовал, думаю, не только из понятий о роли женщины в семье, но и из-за того, что такого рода должности были в гарнизонной жизни дефицитны и он не желал вступать ни с кем в конкуренцию.

Вот ещё несколько штрихов.

В 1950-1951 годах страсти вокруг соседней с Дальневосточным округом Корейской войны так разыгрались, что Люсины соученики пятнадцати лет от роду стали рваться чуть ли не в добровольцы. Николай Александрович, полагаю, был в курсе и пропагандистской кампании и энтузиазма школьников. Люся неоднократно вспоминала, как он позвал её в свой кабинет и там сказал так внушительно, что она запомнила на всю жизнь: «Не лезь, куда не надо, и в любом случае держись отца».

Когда я собрался сдавать кандидатский экзамен по философии, он усмехнулся: «Ты, Борис, главное – жми на то, что материя первична, а сознание вторично».

По поводу вторжения в Афghanistan он высказал недоумевающим домочадцам версию своего ветеранского круга, что целью является получение армией опыта войны в горных условиях.

На склоне лет, наблюдая «перестройку и гласность» сказал, что, конечно, менять что-то нужно и как бы хотелось увидеть, что из этого всего получится (сегодня, через 30 лет мне хотелось бы того же).

Когда за обедом на кухне в бутылке оставалось немного, говорил: «Борис, не оставлять же». Что делать, он произносил лаконичный тост (о речи, большей нескольких слов, он говорил укоризненно: «Затянул что-то»), допивали вместе, и он спокойно шел почивать. Буйным ни разу не был. Когда была жива Галина Зосимовна, мою роль выполняла она. Она, без удовольствия, старалась выпить побольше, чтобы мужу, сердечнику, досталось поменьше.

«В заключение – два характерных случая с участием унитазов.

Через пару дней, после того как мы с Борей съехались для жития вместе, утром приехала моя мама подежурить в квартире, пока мы на работе. Вернувшись вечером, мы её уже не застали, а кто-то из нас, зайдя в туалет, был поражён тем, что в унитазе многолетний чёрный налёт исчез. Мы его уже пытались чем-то оттереть, но без-

успешно, а она, оказывается, решительно взяла длинную Борину отвёртку и ею отскоблила.

В доме, где после смерти мамы мы некоторое время жили вместе с отцом, вдруг затеялся ремонт, сантехник в присутствии отца сменил унитаз. Придя с работы домой, мы увидели, что новый унитаз стоит заметно косо по отношению к стенам. Боря сказал, что его инженерный глаз этого переносить не может, и он заставит строителей переделать. Отец же решительно возразил, что, мол, мужик старался, ну, не совсем точно получилось, нельзя из-за такой мелочи рабочего человека дёргать, у того неприятности могут возникнуть. Его мнение – закон, и я попросила дюжего ремонтника поправить унитаз частным порядком, за наши деньги. И получила насмешливый отказ: мол, деньги он бы взял, но только без работы. Пришлось Боре переставить унитаз самому. Я помогала, да и дело-то было на пару часов.

Так что с представлениями многих о том, как должна выглядеть генеральская семья, наша семья не очень совпадала.

Мои родители не были довольны распадом моей первой семьи, так как очень боялись за Катю. Но Боря её, конечно, не обижал, и всё в этом отношении было в порядке. Катя даже хотела при получении паспорта взять его отчество и фамилию, но дедушка решительно возразил против такого нарушения порядка.»

В Москве

Окончив в 1953 году школу, Люсина компания, настроенная победительно, сочла слишком примитивным поступать в местные «пед» и «мед» и отправилась в Москву. Ехали вчетвером под патронажем Галины Зосимовны: она с девицами Люсей, Ирой и Галей в одном купе, а мальчики Гена и Лёня, будущие мужья Люси и Гали, – в другом и даже в другом вагоне. Ехали долго, скучно, больше 10 дней, Люся рвалась на волю и к мальчикам, Галина Зосимовна страшно волновалась. И не зря: поезд облепили только что выпущенные послесталинским правительством из лагерей заключённые. (Среди них были и бандиты. И никто не позаботился о том, куда и как им ехать и что на воле делать.) На первых станциях видели полный иконостас членов

политбюро, чем дальше на Запад, тем чаще на месте иконы Берии зияла пустота, а к концу пути его лик совсем исчез и иконы сплотились.

Приехавшие Хватовы соединилось с главой семьи, находившимся с прошлогодней болезнью в Москве, в гостинице ЦДКА (Красной армии). Вскоре Николаю Александровичу дали большую квартиру в новом доме на улице Володарского у Таганки.

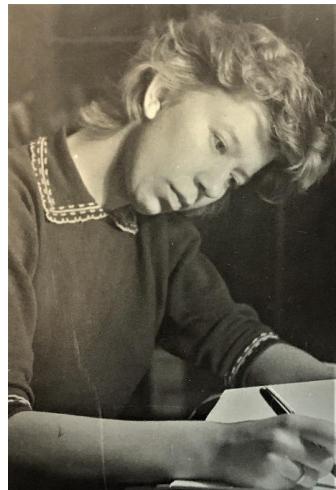
Люся поступила в Энергетический институт (МЭИ), училась, конечно, легко и хорошо. Окончила его по той же специальности, как и я

– по релейной защите и автоматике энергосистем. Была старостой группы, и не удивительно: её открытый взгляд выражал спокойную уверенность в разумности и справедливости окружающего.

Студенткой Люся занималась яхтенным делом на водохранилище в Хлебникове (на фото она гребёт – третья спереди), участвовала в ремонте яхты, тренировалась и получила даже звание яхтенного рулевого. В составе команды собиралась отправиться в путешествие на яхте по каналу и Волге. Но не получилось: мама вызывала её домой подтягивать Иру, которая недостаточно уверенно шла на вступительные экзамены в строительный институт. Позже подобные путешествий у неё было много – уже с моим участием. На лодках гребли, на нашей байдарке плавали и на вёслах, и под парусами.

Кухарит на целине, 1957

Она вспоминала лишь одну институтскую шероховатость: в связи с зачётом или экзаменом, не помню, капризничал с ней А.А. Глазунов, доцент кафедры его полного тёзки – тоже А.А. Глазунова, его старого отца.

Попутно. Когда в 1938-39 годах мой отец находился в тюрьме под следствием, старший из них был использован НКВД как эксперт, и мнение, высказанное ранее в полемике по поводу одного из проектных решений отца, он представил как обвинение в отцовской ошибке.

Люся с гордостью вспоминала, как при распределении групп студентов по местам летней практики конкуренты её компании прибегли к суетливым козням, но были ею посрамлены: она настояла на честном жребии и выиграла хорошее место.

Замужество и дочь

В конце 1957 года у Люси, видимо, не было ясности относительно перспектив жизни и любви и, как уже рассказано в предыдущей части, она обратилась за советом к И.Г. Эренбургу. Она была девушкой умненькой, но удивительно, на мой взгляд, оптимистичной – уверенной в том, что ответ получит и что, более того, писатель сумеет ответить на то сложное, что её волнует. Она получила вполне внятный и правильный ответ, но, естественно, не столь конкретный, как хотелось. Пришлось решать самой, и к концу четвёртого курса института, в феврале 1958 года Люся вышла замуж за своего одноклассника и сокурсника Геннадия Чекаловец (на фото) и взяла его фамилию.

В начале 1959 года Люся отлично защитила свой дипломный проект, рассталась с МЭИ и поступила по заявке своих институтских преподавателей, заметивших её хорошие способности, в институт «Теплоэлектропроект» работать под их руководством. В этот же институт, но в отдел теплоэнергетики поступил и её муж Гена.

В самом начале 1960 года, сидя днём в кино, почувствовала, что надо бы явиться в роддом. И действительно, было вполне пора – родилась дочь Катя.

Дед Николай, к тому времени уже несколько лет не отягощенный службой, привязался к Кате исключительно сильно. Он этим как бы расплатился за прошлое малое внимание к дочкам. Довольно скоро уход за Катей к общему удовольствию во многом перешёл от её родителей к старшему поколению. Так было десять лет, и последние из них Катя жила только с дедушкой и бабушкой, а Люся отдельно.

Люсины подруги

Люся надолго сохранила дружбу с подругами своей юности на Востоке. Три из них, дочери довольно продвинутых офицеров, мне известны.

В десятом классе Люся училась вместе с Галей, теперь Еремеевой, наиболее близкой Люсе (и мне тоже). Гая поступила на географический факультет МГУ. В 1958 году зимние каникулы четвёртого курса Гая с Люсей проводили в Ленинграде, где жил и учился в полувоенном институте их одноклассник Лёня, парень видный и положительный. Когда они рассказали Лёне, что Люся и их одноклассник Гена решили пожениться, Лёня немедленно предложил Гале поступить так же. Гале, вдохновлённой Люсиным примером, эта идея понравилась, и они втроем отправились в Витебск к Лениным родителям, где состоялась скромная свадьба. Он после окончания института увлечённо что-то проектировал и создавал для космоса. Вместе они создали очаровательную дочь Лялю. Но этот брак молодости со временем рассыпался.

Помотавшись по экспедициям, Галя осела в институте минерального сырья (ВИМС), что на Полянке. Там её разумность и замечательная украинская стать была очень заметны, и в неё влюбился Александр Николаевич Еремеев, директор этого института. А она увидела человека неординарно воспитанного, интересующегося жизнью вокруг, особенно живописью. В своём деловом мире он привык говорить ясно, несколько отрывистыми фразами. Возник роман, страстная часть которого разворачивалась, в частности, у нас в квартире, пока мы были на работе, а Катя в школе. Потом он овдовел, они поженились, и она переехала к нему на Малую Полянку.

Они приглашали Люсю и меня к замечательным красивыми застольям с интересными людьми. Когда мы приезжали из Германии, обычно жили у Гали, со смертью мужа к тому времени одинокой. Спали на их супружеской постели, а она отправлялась на кушетку в его кабинетик с бесчисленными книгами о художниках. Мы, немного разнообразя её жизнь, оказывались вдруг под неким тёплым крылом заботы. Пару раз она приезжала к нам сначала в Дрезден, потом в Берлин, и мы путешествовали по Нюрнбергу, Мюнхену, Вене. Она смотрела и видела. Как-то в Дрездене мы вдвоём вышли поздно после ужина в наш двор покурить на лавочке, и она неожиданно сказала, что в Москве богатые люди многое могут купить, но такого вот – нет.

В 1991 году Александр Николаевич через своих крымских друзей устроил нам страшно дорогие путёвки в Форос, в санаторий ЦК, который к тому времени приходил в упадок – в столовой ползали тараканы. Выйдя утром 19 августа на балкон, мы увидели на море, кроме маленькой подлодки, охранявшей неподалёку дачу президента страны М. Горбачёва, три полукружия военных кораблей, ближе к берегу – малых, на горизонте – больших. По портативному приёмнику узнали от BBC новости. Заглянув по дороге на завтрак в телевизионную гостиную, увидели и услышали путчистов. Когда снова поднялись наверх, опять посмотрели на море, а потом и в другую сторону, где высоко на краю гор белела церковь у Байдарских ворот. И Люся сказала, что, чтобы всё обошлось, поставит там свечку. С натугой взлезли и поставили. Обошлось.

Как только начались эти события в Москве, дельцы, которые отдыхали, где и мы, но только комфортнее, дуванули на Север – спасать своё, и мы с Люсей получили возможность вволю играть на корте. Ко-

гда путч провалился, наша соседка по столу, идеологический секретарь из Вологды, отправилась домой, как она сказала, вызволять в обкоме свою трудовую книжку, а дельцы, на наше горе, вернулись.

Александр Николаевич в своё время несколько лет работал в районе Дрездена и при нашем отъезде в Германию рекомендовал нас своему ученику и другу Карлу Кёлеру, который вместе со своей милейшей женой Лорой стал нашим другом и советчиком в Дрездене.

У Изы (Изабеллы) Казбинцевой были колоритные родители. Её отец, военный врач, придавал исключительное значение закалке дочери и с ней её подруги Люси. Жили в Хабаровске, и он их решительно гонял по Амуру – зимой на лыжах, летом вплавь. Как я увидел потом, на лыжах Люся ходила охотно, но до бега не дошла, а вот любительским брасом плавала свободно и много лет учила меня. Оказавшись в Ленинграде, мы вдвоём как-то несколько дней гостили у Изы. Она, строго выплененная армянка, со своим светловолосым русским мужем Эдиком были очень интересной парой. Она занималась программированием, а он, морской инженер-офицер, разрабатывал системы связи. Он много пил, но знал своё дело, и на службе его терпели. А Изе временами было очень скверно. Теперь она живёт одна, наружу не выходит, её сын со своей семьёй живет отдельно, помогает ей.

Нелли Мандральскую занесло вместе с родителями в Ташкент. Она преподавала историю партии в техникуме (или институте) связи. А узбекский язык знала лишь на уровне рынка, объясняя это принципом единства страны на основе русского. Несколько раз Нелли приезжала во время каникул пообщаться с нами, с её знакомыми и, как ни удивительно, отдать что-то в химчистку, поскольку чистке в Ташкенте не доверяла. Её партийное московское сообщество отнеслось к вторжению в Афганистан отрицательно: строить социализм в обществе родового строя они сочли вопиющей теоретической безграмотностью.

Замужем она не была и после потери родителей осталась одинокой в узком русском кругу. После развода СССР Нелли не решилась из своей хорошей квартиры в центре Ташкента перебраться в Россию (в столицы не получалось, а стать приезжей провинциалкой не хотела) и стойко стала преподавать там же историю Узбекистана. Переживает одиночество, обратившись к религиозности мистического оттенка. Письма шли плохо, да и писать их Люся ленилась. Поэтому связь с Неллей поддерживалась слабо, почти только через Изу.

Глава 2

Вместе в Москве

Знакомство и любовь

На службе Люся выглядела на редкость для совсем молодого инженера сообразительной, деятельной и вдобавок невозмутимо дружелюбной. Всё так сложилось, что возникла возможность под хорошим руководством быстро осваивать свою специальность – проектирование релейной защиты от коротких замыканий в высоковольтных сетях электроэнергетических систем.

В то время я работал в центральной службе релейной защиты и автоматики Московской энергосистемы, и возникавшие технические проблемы не раз обсуждал с сотрудниками того самого отдела, в котором работала Люся (его руководители были не только Люсиными, но и моими преподавателями в МЭИ; подробнее об этом – в «Книге ХХвек»). В отделе ко мне приглядывались, я же к его сотрудникам испытывал большое почтение и помнил кое-кого в лицо. И вот однажды в небольшом актовом зале Мосэнерго, расположеннном совсем близко от комнаты, в которой я работал, происходила какая-то небольшая конференция об автоматическом управлении обменом мощности между энергосистемами, и я, проходя мимо, увидел полузнакомую девушку из того самого отдела, вышедшую в коридор во время перерыва. Я поздоровался и, облокотившись картино на стену, стал что-то ей рассказывать. Поговорили и разошлись. А это была Люся. Она этого эпизода решительно не помнила, что меня вовсе не обижало. Для неё я был один из многих посетителей отдела, приходивших к её начальству и мелькнувших мимо. Сверх того, у неё была отвратительная память на лица, что не раз вело к казусам как бы гордыни, которой у неё отнюдь не было. Я её не раз упрекал в удивительном равнодушии к облику (но часто и к сущности) людей.

К этому времени я уже тяготился своим, как я думал, рутинным делом в Мосэнерго и вскоре с удовольствием принял приглашение работать в упомянутом отделе (об этом – в той же «Книге ХХвек»). Это произошло в середине 1961 года. Люся была назначена одной из двух моих помощников и потом рассказывала, что говорили, придёт, мол, такой интересный и умный, а пришёл, и оказалось ничего особенного, даже наоборот. Ей предстояло оставить релейную защиту и заняться со мной некой автоматикой, предназначаемой для предотвращения больших аварий в энергосистемах, связанных с необходимостью в России передачи электроэнергии на большие расстояния. Эта автоматика находилась тогда в зачаточном состоянии, и моей группе предстояло наладить её разработку и проектирование. Немного позже эту область техники назвали противоаварийной автоматикой.

На работе мы называли друг друга (я – почти всегда и всех) только по имени и отчеству; это не противоречило стилю, принятому в отделе – симпатизировали, дружили, влюблялись, интриговали без панибратства.

Прекрасно помню, как Люся, т.е. Людмила Николаевна, создавала новую и очень сложную релейно-контактную схему автоматики для строящейся тогда Братской ГЭС. Было много отваги, выдумки, сообразительности, но недоставало знания реальных особенностей тех элементов (реле), на которых она строила автоматику. Я её поправлял, она возмущалась, я объяснял, она соглашалась неохотно и придумывала новые подозрительно экзотические варианты.

Попутно. Цель упомянутой автоматики – управлять включением и отключением большой нагрузки к генераторам, чтобы удержать их роторы от недопустимого ускорения при возникновении короткого замыкания на отходящих от ГЭС линиях напряжением 500 кВ в сторону Иркутска.

Среди инженеров, особенно женщин, встречались вполне способные найти изящное решение сложной логической задаче, но иногда проектировщиков подводило не реально идеальное представление об используемой аппаратуре; они читали о ней, но им не приходилось держать её в руках.

Наш институт «Энергосетьпроект», к тому времени выделившийся из «Теплоэлектропроекта», аbonировал теннисный корт на недалеко находившемся стадионе «Строитель» и даже короткое время оплачивал тренера. Я уже раньше чуть-чуть кидал мяч и стал туда ходить, за мной и другие, в том числе и Люся. Тренер прежде выхода на корт учил бить мяч об стенку, и эта трудная работа (каждые пару секунд –

удар) давала видимый прогресс в технике. Я был честно и с удовольствием, а Люся при любой возможности сбегала от стенки на корт, чтобы там ударить, наконец, от души, попасть в сетку или так неудобно для партнёра, что он принять не сможет, и потом долго искать мяч. И всё-таки теннис стал надолго, чуть ли не до 70 лет нашим замечательным развлечением. На фото справа мы позируем на корте уже в зрелом возрасте.

В теннисном деле проявилась то, что характерно и для других Люсиных дел: ей, привыкшей с молодости всё постигать легко, было интересно сразу азартно действовать, быстро увидеть результат, а не учиться и совершенствоваться капитально. Её живой ум многие сложности профессии постигал слёту, просто из разговора со мной или по ходу совещания, но она не склонна была изучать предмет, внимательно читать статьи, тем более книги (в том числе мои). Аналогично, её было трудно увлечь физическим упражнениями, и это сыграло плохую роль во время её болезни, когда домашние дела и даже прогулки становились всё менее осуществимы, а для сохранения физической формы нужно было взамен хотя бы лёжа помахать руками-ногами.

Нашему сближению содействовали два путешествия.

На летний отдых 1962 года я вознамерился отправиться на известную мне тогда лишь понаслышке туристскую базу на озере Селигер и, взяв там напрокат снаряжение, поплавать по озёрам. План вполне естественный при моей уже сформировавшейся склонности к путешествию по воде. Там были такие же лодки на две пары вёсел (фофаны), как и на турбазе «Лисицкий бор», где я бывал уже неоднократно. Следовательно, экипаж должен был состоять из четырёх-пяти человек. Считая мою согласную с планом жену Лену, желающих было только двое. Я предложил участвовать в экспедиции Люсе и её мужу Гене, и они согласились. Дабы не было семейственности, гребли попарно Геня с Леной и я с Люсей.

В палатке я случайно ткнулся носом в Люсину голову, и меня как-то поразил запах её волос. Надо сказать, что ещё с моей первой юно-

шеской любви я заметил моё неравнодушие к женским запахам. Сейчас смешно вспомнить: та моя возлюбленная Лия душилась сладкой «Красной Москвой», и этот запах долгие годы, от кого бы ни шёл, заставлял меня вздрагивать. Так Люся приобрела для меня некоторую женскую особость.

В путешествии обнаружилась её большая, чем у Лены активность во всём, что касалось воды и костра, и значительно меньшая – в хозяйственных дела. На плохоньком фото видно, что Лена что-то варит у костра, а Люся не очень знает, что делать с плошкой в руках. Гена же оказался вполне дружественным попутчиком, хотя лодочное путешествие было для него внове.

Следующий этап – совместная командировка в Донецк (тогда Сталино) наблюдать за испытаниями доморощенной автоматической системы регулирования потоков мощности. Испытания кончились про-валом (это я описал в книге «Аварии и вокруг них» М. «Эдитус» 2013). Мы жили в гостинице, вечером дружески распили, помню, бутылку венгерского Токайя. Возвращаясь в Москву, лежали ночью в купе на верхних полках и вдруг наши руки в пустоте между нами встретились. Встретились ласково, я, безумец, в темноте перебрался к ней на полку, и стали торопливо целоваться. Внизу спали незнакомые пассажиры, и, боясь всё-таки скандала, я вскоре перебрался восвояси и затих. Утром на вокзале обычно попрощались, как будто ничего и не было.

Однако антраша на полках нас сильно зацепило, мы стали, когда удавалось, встречаться помимо работы. Например, в ресторане под трибунами стадиона «Динамо», где надеялись не встретить знакомых. По бедности заказывали графинчик водки и примитивную, какая уж там была, закуску. Потом грелись поцелуями на лавочке в Петровском парке, перемежая это обсуждением профессиональных дел.

Конечно, с радостью отправлялись в совместную командировку в Ленинград, где у нас были интересные дела на ЛМЗ (по управлению турбинами) и в НИИПТ (по моделированию аварийных процессов на их уникальной аппаратуре). К сожалению, не всегда удавалось устроиться в гостинице, приходилось жить мне у родственников, ей у Изы.

Встречаться стало проще, когда мои родители купили кооперативную квартиру: я сначала был вынужден стеречь покинутые ими комнаты на улице Горького, а потом делал это всё более охотно. Ещё проще стало, когда меня переселили в комнату поменьше у площади Маяковского.

Сближения прерывались нервными попытками охлаждения и прекращения, ведь мы, конечно, сознавали, что наносим вред своим близким, уж не говоря о Лене и Гене. Но влюблённость, дружба, подкреплённые общими профессиональными интересами, побеждали.

В 1966 году мы оформили прекращение наших браков, Люся в апреле, я в ноябре. (Я просил ускорить делопроизводство, судья мне возражал, что у него заработка маленький, а я не имел возможности поправить его настроение.) После этого Люся отделилась от родителей: квартиру на улице Володарского поменяли на хорошую квартиру для родителей на Фрунзенской набережной и квартирку для Люси и Кати на Чусовской улице в Гальянове. Практически же, насколько помню, Катя жила на Фрунзенской.

Получилось так, что мы оба стали вдовыми и жили отдельно от родителей и дочек.

Запомнился эпизод. Я был простужен, небольшая температура, на работу позвонил, отговорился и лежал днём под одеялом. Под каким-то предлогом улизнув из института, Люся явилась вдруг в комнате перед моими сонными глазами (дверь квартиры по её звонку открыла соседка Нина). После нескольких слов стала раздеваться. Мне было вроде бы не до того, и я пробормотал, не вздумай, мол, заразишься. Она уверенно сказала, что ничего не будет, скинула последнее, откинула одеяло и, готовая к близости, решительно пристроилась ко мне. И это, казавшееся мне «не до того», прекрасно превратила в «до того», я почти выздоровел, а она действительно нисколько не заразилась. Надо думать, при раздельном житье простая возможность побывать вместе – уже свидание, и мысль о нём связывается с ожиданием близости. Потом всё стало спокойнее, мы оба не были в близости жадными или изысканными, но всегда уверенными в охотной отзывчивости к своему порыву. Это счастье длилось, пока Люся не стала слишком болеть.

И всё же гостить друг у друга и скрывать на работе наши отношения, для насмешников, впрочем, прозрачные, стало неловко, утоми-

тельно. Наконец, в 1969 году поженились. Зашли в ЗАГС на Лесной улице, получили свидетельства, вышли на улицу и, к удивлению нашего свидетеля, моего старейшего друга Роберта (Робы), рассчитывавшегося, естественно, отметить это дело, стали прощаться: я спешил к Маше праздновать её десятый день рождения, Люся – по её делам.

Оформление брака позволило нам поменять её гальяновскую квартиру и мою комнату у площади Маяковского на трёхкомнатную в том же Гальянове (Байкальская улица). Через небольшое время мы перевезли сюда же Катю. Её поместили в отдельную комнату, а мы с Люсей разместились порознь в двух смежных: она стелила себе на раздвижном диване в гостиной, а я целомудренно укладывался на остаток дивана (ещё с улицы Горького) в маленькой запроходной, служившей мне и кабинетом. Однажды, впрочем, случился конфуз: воскресным утром Катя вбежала в гостиную и увидела меня под одеялом рядом с Люсей.

Объединение мы отпразновали с нашими сослуживцами в этой самой квартире, но не как свадьбу, а как скромное новоселье.

Вместе

Употреблённое слово скромно относится в той или иной мере ко всем сторонам нашей раздельной и совместной жизни. Зарабатывали мы в начале очень не много, я значительную часть моего заработка отдавал Лене, Люся же никогда не просила Гену о какой-либо помощи.

Например, обстановка нашей гостиной на Байкальской улице обрзовалась совсем не сразу: на простой столовой чешский, что ли, гарнитур пошёл аванс за мою первую книгу, вышедшую в 1974 году. В 1973 году по своим ветеранским каналам Люсин отец получил ордер на покупку автомобиля, который стоил 5900 рублей. Такая сумма приблизительно равнялась нашим двум заработкам за 10-15 месяцев; мы её собрали, одолжив по тысяче у моих и у Люсиных родителей. Это был единственный в жизни мой и наш общий заём. Сумев ужать расходы, а они из-за автомобиля заметно возросли, расплатились только через год.

Попутно. Упомянутая выше цена была явно низкой. Она, как я догадываюсь, была рассчитана на целевую группу служилых, важных для власти, но не щедро оплачиваемых. Ведь, хотя по официальному курсу цена составляла солидные 9800 \$, по рыночному же была вряд ли больше 1500 \$.

Потом стало легче: Люсю назначили главным инженером проекта, её стали командировать за границу, чаще на неделю, но иногда и на месяц, я получил за книгу кандидатскую степень и стал руководить лабораторией (потом урезали до сектора).

В 1990-х годах появились и левые заработки, в чём Люся преуспела, пожалуй, больше меня. Следуя многочисленным примерам, она создала некую официальную организацию, названную ЭнЭлАв (энергетика, электротехника, автоматика), которой начальство института позволяло передавать часть поручаемых Люссе проектных работ. В этом случае ЭнЭлАв являлся субподрядчиком института, а конкретные исполнители, в их числе бывал и я, получали не 30% от стоимости работы, как было бы в случае выполнения этой работы в институте, а в три раза больше.

Приработки позволяли отмечать академические и семейные успехи наших дочерей денежными призами. Получение ими высшего образования было отмечено, с участием их мужей, обедом и призами на открытой веранде 7-го этажа гостиницы «Москва».

Вслед за изменениями в составе семьи менялось и жильё.

Когда умерла Галина Зосимовна и Николай Александрович остался один, их квартиру и нашу поменяли на большую квартиру на Фрунзенской набережной. Затем Катя привела туда первого мужа, ясноокого тогда Петю Попова, и родился сынок Ваня. Четырём поколениям стало жить вместе муторно, и эту квартиру поменяли на две приличные квартиры, побольше напротив ВДНХ – для Николая Александровича с Катиным семейством, другую, поблизости, на улице имени учёного бомбиста Кибальчича, – для нас с Люсей. Оттуда мы уехали в Германию, а квартира перешла к Кате.

Я уже комментировал домашнее воспитание сестёр Хватовых. Ире потом кое-что освоила по дому, а Люся – нет. Ей не пришлось перешивать обноски и ухаживать за своими болевшими родителями: они болели и умирали в приличных условиях военных госпиталей. А Катю до десятилетнего возраста воспитывали бабушка с дедушкой, безумно влюблённым во внучку.

Когда мы с Люсей собирались начать жить вместе, она предупредила меня, что никакую кашу она сварить не сумеет. Но воспитанная в хлебосольном доме, Люся считала непременным гостей усадить за обильный стол. Если же эта обильность была невозможна, неуместна,

то предложить просто стакан воды, кофе, рюмку вина, яблоко ей не приходило в голову, и делал это, если не забывал, я. К праздничному столу она любила создать что-нибудь необыкновенное – пунктуально следя книжке французских рецептов.

Моё недовольство Люсей чаще всего возникало не из-за недостатка заботы о пище или слабого рукоделья (щеголихой она не была), а из-за отсутствия склонности к порядку в доме. На своём рабочем столе в институте она держала гору разнородных бумаг, говоря, что зато она всегда знает, где искать: всё в этой куче. Так и дома связанные с ней предметы можно было найти в самых неожиданных местах. Или не найти. Я же, воспитанный при маминой строгости в совсем стеснённых домашних условиях, когда искать предмет приходилось мне, хватался за голову, всплескивал руками, злился, укорял и, что делать, искал, пытаясь представить себе ход Люсиной мысли в момент засовывания предмета.

Не исключаю, впрочем, что с этой темой связано глубинное свойство Люсиного интеллекта, о чём чуть ниже.

Работа

У Люси был быстрый, ухватливый ум, она не старалась обременять себя слишком обязательными в данный момент проблемами, но охотно помогала мне разобраться в них и поэтому была в курсе почти всего, что происходило вокруг нас, а в азарте могла подняться до больших высот сообразительности и продуктивности. Могла, если надо (!), – упорно искать и найти решение сложной конкретной задачи. Люся не стремилась к классификации и обобщению, и эти проблемы ложились в большей мере на меня. (Пример из проектного дела: выявить многократно возникающую задачу, довести её решение до совершенства и это решение применять везде, типизировать.)

Всё это, а также очевидное отсутствие вредности в характере и, в сущности, отсутствие конкурентов определило её быстрый должностной рост в проектном и исследовательском институте «Энергосетьпроект» от инженера к старшему инженеру, руководителю группы и, наконец, к главному инженеру проекта – сокращенно ГИП (главной она была не по энергообъекту в целом, а по нужной для него противоаварийной автоматике). В этой-то должности она и пребывала больше 30 лет, вплоть до отъезда в Германию. А всего Люся проработала 38

лет и только в одной организации. Немыслимое в иных условиях постоянство!

Попутно. Всё время производились, конечно, отчисления в пенсионный фонд страны, и последние годы он зато переводил ей (как и мне) на наш счёт сумму в пределах 300 Евро в расчёте на месяц. На эти деньги жить в России, насколько могу понять, затруднительно, разве что впроголодь, а в Германии – невозможно.

Здесь я назову главные из Люсиных работ для энергообъектов СССР, назову, не вдаваясь в их суть, поскольку важнейшие из них охарактеризованы в моих книгах.

В 1960-х и в начале 1970-х годов Люся деятельно участвовала в разработке основных узлов комплексов противоаварийной автоматики для передачи энергии по линиям электропередачи напряжением 500 кВ: от Братской ГЭС к Иркутску, от Красноярской ГЭС в сторону Кузбасса, от громадной Костромской ГРЭС, от Конаковской ГРЭС в сторону Москвы. Работа для Конаковской ГРЭС была связана с решением новой и сложной проблемы быстрой разгрузки её восьми тепловых турбин (каждая по 300 МВт), что потребовало частых поездок в Ленинград, о чём упомянуто выше и чем одновременно с техническими проблемами решалась и личная. Затем мы были вынуждены решительно пересмотреть автоматику узла Братской ГЭС и при этом впервые применили в нашей автоматике управляющую вычислительную машину. Первый алгоритм вычислений тех управляющих воздействий, которые требовалось постоянно рассчитывать на случай различных возможных аварий, был разработан именно Люсей. Разработчики вычислительной техники и программного обеспечения были поражены тем, что вместо обычных неопределённых пожеланий на этот раз получили от заказчика готовый алгоритм (в виде блок-схем).

Кроме, автоматики, повышающей надёжность электропередачи, она занималась проектированием автоматики для кольца линий 500 кВ вокруг Москвы и курировала работу Украинского отделения нашего института, где была группа проектировщиков по нашей специальности.

Параллельно она написала несколько статей, участвовала в конференциях и даже поступила в заочную аспирантуру, но столкнулась с избыточными для её проектной занятости сложностями и прекратила исследование.

Приблизительно с 1973 года Люся вела заграничные объекты, при том уже самостоятельно. Для этой работы начальству было удобно выбрать в нашем коллективе именно её: во-первых, грамотна, дееспособна, договороспособна и не интриганка, во-вторых, формально хорошее происхождение. Она мне говорила, что немалую в этом роль играла уверенность начальства в моей поддержке и советах. Она, как говорится, закрывала вопрос о противоаварийной автоматике для Индии, для Пакистана и, главное, для электропередачи мощности от Западной Украины за границу на Запад по линиям от 220 и 750 кВ. Все эти работы требовали длинных переговоров с заграничными контр-агентами и, значит, заграничных командировок, которые, собственно, и являлись целью начальства и непременных сопровождающих лиц. Но работа для упомянутой электропередачи на Запад вылилась в реальное создание большого комплекса противоаварийной автоматики с центром на подстанции Мукачево и с установкой там двух резервирующих друг друга вычислительных машин, действующих по рулевому алгоритму Люси.

Снимок со слонами сделан в Индии. В центре партнёр института Валя Соколов, а по сторонам от него Люся и ставшая нашей подругой Лариса Евстигнеева. Она мне недавно написала:

«...я тоже ее очень любила и продолжаю любить, потому что встреча с ней и дружба были одним из значительных приобретений в моей жизни.

А началось все с командировки в Прагу, где мы вместе прожили целый месяц и буквально с первых дней, нашли общий язык. Сейчас

уже трудно сказать, что меня покорило в первые дни. Наверное, прежде всего, ее неординарность, которая проявлялась во многом: доброжелательность, снисходительность, искренность, толерантность, ироничность и, конечно, самоирония. Всем этим нельзя было не восхищаться, особенно самоиронией, что очень редко можно встретить. Как я уже сказала, мы нашли общий язык сразу, нам было очень хорошо вместе и поэтому мы часто бросали наших спутников и гуляли вдвоем. В это не очень верили наши спутники по командировке и подозревали нас, что мы гуляем с чехами!? А мы с удовольствием вспоминали потом, а я до сих пор, эти прогулки, сидение под цветущей сакурой, где говорили о многом. Кстати, там Люся мне рассказала историю вашей любви и как она рвалась из Пакистанской командировке к любимому мужу. Она очень тебя любила и была счастлива с тобой.»

С середины 1990-х годов, помимо институтских дел, я обдумывал, как применить совершенно новый для нашего противоаварийного дела способ прогнозирования хода аварии, и мне удалось заинтересовать моими исследованиями в этом направлении шведско-швейцарскую электротехническую корпорацию ABB, а именно – её часть в шведском городе Västeras.

На фото: после переговоров в Västeras наш очень доброжелательный куратор Dr. Thomas Liebach (родом из Словении, он и сам работал по теме моего исследования), сидя по правую руку от Люси, угождает нас ужином. Рядом с ним его очаровательная жена, а по другую сторону от Люси – наш сослуживец бывший американец Семён Лосев, приглашённый нами в эту поездку как переводчик.

На следующее странице изображены почти те же лица во время конференции под эгидой ABB в 2000 году на чудном озере Блед в Словении. Там Люся «по-английски» произнесла заказанный нам доклад по теме исследования, а я ей в тakt показывал слайды. Это было

её последнее публичное выступление на профессиональную тему. На обоих фото заметно, как Люся счастлива в этих обстоятельствах, действительно не ординарных для нас, выходцев из СССР, живущих в Германии и приглашённых в третью страну сделать доклад, причём ни на поездку, ни на доклад, ни на его содержание не потребовалось ничьё разрешение. (Результаты этих исследований, далее значительно углублённых, но, к сожалению,

нами не реализованных, опубликованы во втором томе «Противоаварийной автоматики в энергосистемах», 2011.)

Люсина, моя и нашего коллектива из человек двадцати новаторская работа, наглядно успешная, не могла не вызывать завистливой подозрительности коллег и общественности. Так, во время обсуждения среди начальства каких-то вопросов о кадрах возникло предложение искоренить так называемую семейственность, т.е. как раз нашу к тому времени параллельную работу. На это, как нам передали, ответил главный инженер Сергей Сергеевич Рокотян (его роль в становлении института довольно подробно описана в моих книгах). Он сказал в том роде, что не Б.И. взял её на работу, продвигал по должностям тоже не он, а руководство отделом и институтом, злоупотреблений нет, и то, что двое наших сотрудников полюбили друг друга, что нередко случается, и поженились, вовсе не значит, что одного из них нужно выгнать или перевести куда-то, нанеся этим явный вред развивающемуся делу. С ним не решились спорить, и по крайней мере до 1977 года, когда он умер, затаились.

Но однажды Рокотян сделал всё-таки попытку изменить положение. Через его дочь Иру, с которой Люся училась на одном курсе института и немного дружила, было высказано Люссе предложение, а может, всего лишь предположение Ириного отца стать его заместителем, т.е.

стать заместителем главного инженера всесоюзного института. Выдвигалось естественное тогда условие – вступить в партию. Предложение открывало карьеру, а от одного из уже имеющихся заместителей – руководившего нами Бориса Сергеевича Успенского мне было доверительно сказано, что, де, я не могу себе и представить, сколь много они там, наверху, получают. Люся посоветовалась со мной, и мы решили уклониться: для начальственных сфер у Люси мало металла в голосе и склонности к интригам, да к тому же – ещё и партия.

Здесь упомяну единственную неприятность, доставленную в институте Люсе лично. Не помню с какой целью она участвовала в поездке в Ленинград какой-то институтской делегации. Все жили в одной гостинице, и было замечено, что однажды Люся, отделившись вечером от компании, не явилась ночевать (она проводила подругу Изу и осталась у неё). По возвращении в Москву руководительница делегации, дама, совмещающая партийность со светской болтливостью и всюду вхожая, разнесла по институту весть, что Люся – шлюха. Люся её пристыдила и эту обиду не могла забыть всю жизнь.

Отдых

Мы предпочитали делить наш отпуск на летний с разного вида путешествиями и зимний с лыжами. Несколько лет мы выбирали на зimu пионерский лагерь «Полянка», построенный нашим институтом в лесу в километре-двух от станции Истра под видом резервного места-нахождения института в случае ядерной войны. Зимой там функционировало одно небольшое здание со столовой и с несколькими простыми квартирами по одной-две комнаты в каждой. Там было спокойно, дёшево, чисто, и кормили просто и убедительно. А лес был маловат, и после снегопада лыжню приходилось восстанавливать чуть ли не только нам самим. Раза два одновременно с нами там же отдыхал Рокотян со своей симпатичной женой Валентиной Гавrilovной и с третьим чуть ли не главным членом их семьи – большим котом. Они (без кота) гуляли по заснеженным тропинкам, и были довольны, когда Люся и я сопровождали и поддерживали их. Иногда мы заходили к ним или катали по окрестностям на нашей машине, если не ленились откопать её из-под снега. Об институтских делах почти никогда не вспоминали. Однажды набрели на прежние ужасы. Дело в том, что,

когда он два года с лишним просидел, будучи приговорённым чуть ли ни к расстрелу, посадили, догадываюсь, и её. Мы запомнили только один её рассказ, как одну из сокамерниц ежедневно выводили в коридор, где ею пользовался то ли один охранник, то ли просто очередной.

Лодочные путешествия начались с уже упомянутого плавания по Селигеру и затем предпринимались каждое лето. В них обычные городские заботы сменялись совсем иными: днём – байдарка, вечером – костёр и ужин с выпивкой, на ночь – палатка, много трудностей и приключений, а в целом – чувство свободы. Немаловажно и другое: для нас, как и для многих других, путешествие на байдарках было единственным способом провести отпуск по средствам.

Мы купили замечательную двухместную польскую байдарку «Нептун» с поддутыми для плавучести бортами, с мачтой и двумя парусами:

речным громом и стакселем (на фото Люся катает ребёнка наших попутчиков). Но, несмотря на моряющую Люсину лихость, мы не решались плавать только вдвоём, и с нами на другой лодке обычно плыли Люсина сестра Ира и их подруга Лиза.

Два раза с Лидой в лодке вме-

сто Иры плыли неплохие парни. Лиза была одержима неразделённой страстью к физике, к воспитанию наших дочерей (в отсутствие своих) и презрением, как она гневалась, к быдлу за его противодействие то нужной ей демократии, то государственности. Но она была куда хэзайственней Люси.

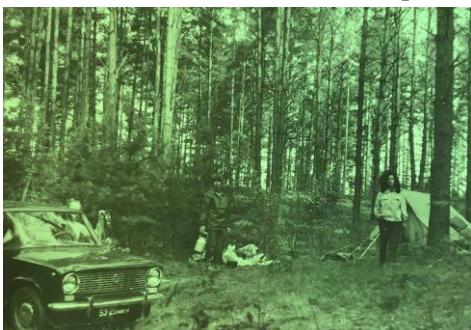
С одним из её парней мы позже курьёзно встретились в 1996 году – в синагоге на улице Архипова. Мы там сидели, ожидая приёма, чтобы Люся получила у главного раввина свидетельство о её галактическом, по матери, еврействе. Вдруг нас напугал какой-то тип с возгласом: «Люсичка!». Люся, беспамятная на лица, его совсем не узнала и не сразу вспомнила, что так её называла только Лиза. Оказалось, что он, родом из казаков, по субботам, когда правоверным евреям нельзя работать, подрабатывал в синагоге, отвечая на телефонные звонки. Узнав в чём дело, он предложил Люсе содействие, но его не требовалось, всё было по правилам.

Один раз мы нашли пару попутчиков в клубе туристов, отправились с ними под Ленинград на Выборгский перешеек, и на полпути они вдруг решили вернуться домой. Дальше мы плыли по озёрам и протокам одни и были счастливы, если бы не два обстоятельства. Первое: услышали по приёмничку, шёл август 1968 года, о безумном вторжении в Чехословакию. Второе: едва не утонули. Мы выплыли под парусом на простор озера, километров 5 в диаметре, и тут под сильным ветром обнаружились большие волны. К счастью, у нас хватило ума направить судно не куда надо, а прямо по ветру. Когда волна нас догоняла, середина байдарки оказывалась на ней, а её концы с пугающим скрипом свисали в воздухе. Потом она ложилась между волн, изгибаясь наоборот. Мы неслись к берегу буквально «по воле волн», а на нём собралась кучка людей посмотреть, как мы утонем подобно тому, как накануне, по их словам, утонули наши предшественники.

Мы многократно устраивали дочерей в пионерские лагеря нашего института (в упомянутой «Полянке» и в Геленджике на Кавказе). Катя в лагеря вполне вписывалась, а Маша нет – не тот характер и вдобавок неприятное сверстникам еврейство. Когда дочери подросли, мы стали их брать с собой: в одной байдарке Люся с Катей, в другой я с Машей.

Машу приглашали, конечно, с разрешения её мамы Лены. Много потом Лена мне рассказала, что уже наша вполне взрослая дочь ей сотовала на безрадостные каникулы. Как часто кажется, что наши родители нам что-то недодали! А было ли у них это что-то? А разве они не нуждались тоже в свободе и отдыхе – от нас, в частности?

В отличие от склонной к приключениям Кати, для Маши наши путешествия были, вероятно, слишком деятельными, всё слишком мелькало, требовало быть в ритме. Например, у Маши были такие густые и длинные волосы (даже на фото видны), что их действительно трудное расчёсывание не заканчивалось бы никогда без деятельного вмешательства Люси. А за стиркой в реке своих многочисленных трусиков она могла с удовольствием провести хоть полдня.

Водные путешествия вытеснились поездками на машине – опять же вчетвером. Ездили в Эстонию (через Ленинград для оформления моего кандидатского дела), на озеро Асавас в Литве, на Днепр. Мы с Люсей менялись за рулём и сидели на переднем сиденье относительно свободно, а девочки на заднем, сдавленные мешками с байдаркой и шмотками (у нас подряд было три машины, все всё-таки – универсал). Может быть, из-за этой тесноты Маша прощалась с нами, как только в Москве мы оказывались у первого же метро. Заключительные хлопоты ложились на оставшихся троих, счастливое окончание путешествия смазывалось, мы праздновали его без Маши, и это огорчало – меня, но не Люсю.

К концу 1980-х годов нам стало ясно, что либо мы занимаемся своей работой, своими близкими и тогда денег нам хватает, либо ездим на своей машине и тратим на её поддержание массу денег и энергии. Выбрали первое и от последней машины избавились. И предались летом расслабленным отдыхам в санаториях или гостиницах.

Запомнился несчастный отдых в Сочи. В санатории имени Куйбышева, построенном наподобие Казанского собора в Петербурге и являвшемся архитектурной достопримечательностью, мы жили в малюсеньком затемнённом колоннами номере вроде купе в поезде и ходили есть далеко вверх в столовую, имевшую вид сарай. Однажды я разленился и так тянул с выходом на пляж, что более в этом смысле обязательная Люся рассерлилась и де-

монстративно отправилась одна. Без присмотра перекупалась, замёрзла и получила жесточайшую ангину. Ей кололи пенициллин, но высокая температура не спадала, и она лежала пластом в платочек, несчастная, покорная и безучастная. Она не занималась горлом, не со-

противлялась болезни активно, не жаловалась, а силы её явно убывали.

Наконец, и врачиху санатория проняло: она повезла нас в городскую поликлинику к отоларингологу. Старый еврей, жаль, забыл фамилию, взглянул на её горло, ахнул и, узнав у врачихи, сколько кололи пенициллина, жёстко сказал, что это совсем не та доза, надо было гораздо больше. Предложил, либо здоровый нарыв в горле он в виде исключения немедленно разрежет сам, либо поезжайте в больницу. Люся покорно выбрала простейшее – первое. И он решительно разрезал и выпустил гной и кровь. Спасибо ему, он спас Люсю.

Прошли два-три дня, Люся поправлялась. В день накануне отъезда она заставила себя выйти пройтись, и я впервые поддерживал её. Попшли не купаться, конечно, а вверх по ближайшему отлогому склону. И в награду увидели необычайные красоты: громадные дубы и сосны, а наверху – вид в одну сторону на город и бесконечное море, а в другую – на бесконечные горы с деревнями. Нет худа без добра. Но почему мы раньше туда не пошли?

До Паркинсона это был единственный при мне случай Люсиной серьёзной болезни.

Она о многих женских делах ничего не знала, устройством тела, болезнями и способами лечиться не интересовалась, с женщинами никакие эти темы, похоже, не обсуждала. У неё было удивительное сочетание лихости по отношению к телу, незаботы о его здоровье и непротивления недугу. Пример компанейской лихости: выезжая на машине в путешествие, вдруг заехала в поликлинику, там выдернули давно плохой и вдруг разболевшийся зуб, и поехали дальше. Правда, за рулём некоторое время сидел только я.

В память о наших водных путешествиях мы однажды поплыли на большом теплоходе, вспоминаю, по имени ни больше, ни меньше «Адмирал Нахимов», до Астрахани и обратно. Затейник, стараясь во время движения днём развлечь пассажиров, организовал две команды, человек по восемь, для соревнования в нескольких эпизодах, требующих немного ловкости, сообразительности и памяти. И назначил символический приз: бутылку вина или конфеты – не помню. Капитаном одной из команд он назначил Люсю. Посмотрев пару эпизодов, я ушёл в свою каюту. Через некоторое время пришла Люся. Она, расстроенная, чуть не плача, рассказала, что члены команд, ранее вовсе не зна-

комые друг другу, вдруг сплотились в два злобных улья, выкрикивали обюодные обвинения в жульничестве – азарт шуточной игры превратился в ожесточение войны чуть ли не с врагом. И Люся не могла их успокоить. Её миролюбие получило запомнившийся урок так легко возникающей ненависти.

В связи с непорядком в моём желудке я получил в конце 1980-х годов от институтской профсоюзной организации две путёвки для меня и Люси в Карловы Вары, в санаторий, насколько помню, Криван. Это была наша первая поездка за границу не порознь, а вместе! Там мы много бродили по чистенькому городку, по вдруг выпавшему

снегу, по дорожкам лесистых окрестных холмов (фото слева).

А в начале 1990-х годов нам вместе удалось выехать самостоятель-

но – в турецкий курортный городок Кемер. Там никакого места для прогулок, кроме самого городка, не было, но зато было тёплое море с хорошим входом в него. Отель соответствовал нашим очень скромным возможностям – дешёвый и совсем плохонький. Его пищей я сильнейшим образом отравился, несколько дней не отходил от туалета.

На этом фото мы на экскурсии из Кемера.

Глава 3

В Германии

Переезд и обустройство

О нашей жизни в Германии многое сообщено в «Книге ХХвек», и здесь я добавлю немногое. К переезду в Германию нас побудила моя первая жена Лена.

В 1994-м году она пришла к нам на чай и, между прочими разговорами, темпераментно возмутилась, чего, мол, вы тут, как дураки, сидите, когда можно переехать в Германию. К этому времени она вместе с её сестрой Женей и мужем сестры, тоже Женей по фамилии Абрамян, по профессии физиком, уже подала заявления в консульство Германии. Пристыженные, мы тоже подали, причём попросились в ту же землю Германии, куда разрешат им. В результате Жени раздумали: муж Женя задерживал свой отъезд, а сестра Женя опасалась оставить мужа. Лена же в свою очередь не решилась оставить сестру, считая её слишком болезненной. Им троим по разнарядке германских властей надлежало прибыть в Саксонию, и поэтому мы в 1997-м оказались именно в этой земле, о чём не пожалели.

А жаль, что Лена не поехала; уверен, при её общительном характере она стала бы активным членом и душой эмигрантского общества в Дрездене, и всё сложилось бы у неё удачно.

Муж Женя лет десять назад умер, сестра Женя с поддержкой Маши как-то перебивается в Москве.

Лена же переехала к Маше, в Англию в маленький городок, жила в доме семьи дочери практически без общества, отчуждённо (слева её фото, сделанное 01.01.2010 в Англии, г. Или). Её не стало в августе 2016 года. Это было для нас с Люсей очень большим переживанием: Лена – из совсем немногих друзей, мы с ней, сходно воспитанные, почти одногодки, хорошо понимали друг друга, она была и уважаема, и близка нам

обоим. Мы ей были безмерно благодарны за то, что она, несмотря на неодобрение многих близких ей людей, не препятствовала нашей связи с Машей, даже содействовала ей. И было горько, что на похороны мы приехать не могли: Люся уже почти два года была несамостоятельна, с мая 2016 года даже получала уход от больничной кассы и пыталась ходить с роллятором, ехать с ней было трудно и опасно, оставить же её дома – не с кем, а одну – уже нельзя.

Люся ни разу за долгие годы нашей жизни не произнесла ни о Маше, ни о Лене худого слова, и, более того, когда я ей ворчал на Машу, она находила какие-то извинительно-утешительные слова. И дела. И всё же какая-то обида, ревность что ли, у Маши по отношению к нам с Люсей сохранилась и по сей день. (Говорят, семейные свойства наследуются через поколение: моя мама любила выдумывать и лелеять обиды и этим не раз портила жизнь и себе, и близким.)

По прилёте из Москвы на аэродром под Лейпциг мы совершили неблизкое путешествие на такси в городок Меране, на окраине которого располагался предписанный нам дом

приёма еврейских эмигрантов. Там на втором этаже был коридор с десятком комнат, с кухней и туалетами в торце. Нас с нашими тремя чемоданами ввели в одну из комнат, которая была обставлена двумя кроватями с бельём, столом, стульями и низеньким шкафчиком с простейшей посудой. Люся же почти никогда не жила в общежитии и, при всей её жизнелюбивой натуре, осваивала такую жизнь плохо. Она захандрила и взяла себя в руки, только когда мне удалось как-то переставить мебель (см.

фото выше), распаковать чемоданы и создать минимальный уют.

Уже через месяц на зависть многим нас перевезли в саксонскую столицу Дрезден, в обстановку, ненамного лучшую, – в коммунальную квартиру на 4 семьи. (На фото огороженный дворик, используемый, как принято в Саксонии, для сушки белья; туда смот-

рело окно нашей комнаты, из которой я сделал это фото.) Вдобавок шёл проливной апрельский дождь, я был сильно простужен, Люсе одной пришлось шевелиться – вместе с соседями пойти в социальное ведомство, в магазин и, насколько помню, открыть нам счёт в банке. И настроение Люсии опять рухнуло, пока я не взбодрился, и мы вместе не разобрались в комнате. В Германии мы устраивались в двух общежитиях и в трёх квартирах, и во всех случаях мне приходилось взглянуть на обустройство. Но занимались всем этим вместе и много.

Мы старались поскорее выбраться из общежития, но всё-таки прожили там до октября месяца, когда сняли нашу первую в Германии квартиру: на первом этаже старого отремонтированного дома две комнаты с ванной и кухней, с окнами на улицу и во двор. Когда мы в неё перебрались, в ней, в отличие от общежитий, не было ни стула, спали на полу. Поездили по магазинам, купили мебель, нам её привезли, собрали. Постепенно обжились, хотя было трудно: Люся не знала немецкого языка совсем (она всю жизнь до того занималась английским), а я что-то помнил со школы и только чуть-чуть успел обновить перед отъездом из Москвы.

Медицинская страховка

Наше инженерное бюро, о котором речь дальше, существовало 10 лет, из которых два года его владельцем была Люся (с марта 2003 по март 2005 года), а я – её служащим. В это время она, как всегда, была застрахована в больничной кассе GEK, теперь Vagtenia, контролируемой государством. Я же в силу каких-то формальных обстоятельств один год не мог получить страховку вместе с Люсей, а дорогие приватные кассы меня не принимали из-за слишком большого возраста. Мы оба сильно нервничали из-за этого, но в результате мне удалось целый год не болеть, и к врачу я обратился всего один раз. Он в минутку посмотрел моё тугое ухо, сказал, что всё в порядке, и мы получили счет на 60 марок. Тем и обошлись, а затем мы объявили владельцем бюро меня, а служащей Люсию, и получили страховку оба.

В соответствии со слабыми доходами нашего бюро, мы платили больничной кассе минимальную ставку – приблизительно 300 Евро в месяц, и она бесценно и любезно поддерживала нас и поддерживает меня до сих пор.

Впрочем, однажды возникла нервотрёпка. Новый начальник ведущего нас отдела больничной кассы вдруг прислал письмо, что по неким законным причинам мы не имеем права на их страховку, и она прекращается. Мы пришли на приём к прежнему начальнику, который уже готовился на пенсию, но ещё служил в этом отделе. Он нас повёл к новому, оказавшемуся несравненно более молодым красавцем-атлетом. Они при нас долго копались в толстенном сборнике законов, старый показал молодому, что право на страховку у нас есть, и в результате страховка сохранилась, а оплата понизилась на 100 Евро.

Работа

Люся помогала мне во всём – и советом, и делом. О советах и говорить не стоит, я обсуждал с ней все свои мысли и поступки, разве что не спрашивал, мыть ли мне шею. А вот некоторые дела не упомянуть нельзя.

В Москве все нужные мне работы на компьютере я поручал своей девушки-технику, а Люся, в отличие от меня, кое-что делала сама. Едва мы успели приехать в Дрезден, жили ещё в общей квартире, а она уже получила красивое свидетельство об окончании недельных курсов

работы на компьютере. Поэтому над первой нашей компьютерной системой, которую мы создали, чуть только обосновались в первой дрезденской квартире (см. фото), царила она. Но, правда, первую операционную систему поставил нами приглашённый русский

мастер, который, между прочим, платы за это не взял – из солидарности. (В дальнейшем мы практически во всех компьютерных делах обходились сами.) Она оцифровала множество рукописных статей моего брата, и она записывала мои фразы под диктовку. Под её руководством я научился и сам пользоваться редактором и клавиатурой.

Для наших исследований требовалось рассчитывать сравнительно простые аварийные переходные процессы в энергосистеме. В Москве для этого существовали отдельные специалисты, в Германии же нанять таких нам было не по средствам, и Люся научилась это делать сама, правда, пользуясь дистанционной помощью Лидии Бутиной из Москвы, дочери нашего сослуживца Жоры Бутина, однажды вместе со своей внучкой посетившего нас в Дрездене, большое ей за это спасибо. Таблицы с данными об этих процессах мы научились обрабатывать в модели автоматики, созданной нами с помощью макросов из программы Excel, и это выполняла Люся.

Для расчета ущерба, создаваемого аварией и противодействующими ей воздействиями, Люся научилась программировать с помощью программного средства Матлаб. Этот же Матлаб ею использовался для создания страниц книги сразу с несколькими вариантами графиков, представляющих сопоставляемые результаты исследований.

Эта работа требует большого внимания, скрупулёзности, что обычно не было свойственно Люсе и, тем более, затруднительно в преклонном возрасте. Но в данном случае, для важной итоговой монографии по нашей автоматике, она надолго вошла в азарт, а в этом состоянии могла многое. Вся эта тяжёлая и новая для Люси работа закончена в 2010 году (она делалось для второго тома монографии, изданного в 2011 году), – когда ей было уже 74 года.

Пока было много всякой работы, у нас было два рабочих места: у неё со стационарной машиной, а у меня рядом, – как и сейчас, notebook с внешним большим дисплеем. На фото справа видно, как дочь Маша, которая в Англии сменила специальность с химической на программистскую, что-то показывает Люсе на экране её компьютера, а дочь Катя блаженствует на диване под

пледом. (Тогда обе дочери приехали в Берлин отметить сразу два наших дня рождения в компромиссный день 12.02.2011.)

Мы работали сначала по заказу электротехнической корпорации ABB, для которой исследовали возможности автоматики в прогнозировании аварии по ходу процесса, что отражено в предыдущей главе.

Эпизод переговоров с нашим московским заказчиком И.З. Глускиным, пару дней проведшим у нас в Дрездене

Потом для корпорации Siemens AG (Nürnberg) разработали рекомендации о модернизации её аппаратуры на предмет создания противоаварийного комплекса автоматики для одного из промышленных районов России. Наконец, для московской фирмы Глускина, занимавшейся проектной и исследовательской работой для энергосистем, мы выполнили целый ряд исследований и практических рекомендаций.

Владельцем этой фирмы был наш ученик Игорь Захарович Глускин. Он начал работать у нас практикантом, будучи ещё студентом МЭИ. С нами он дорос до должности ГИП'а, много работал под руководством Люси, однажды серьёзно помог мне отбиться от преследования партийной начальственной общественности. В новые времена выявился его талант к организационной работе, и он стал директором института «Энергосетьпроект», затем создал собственную фирму того же профиля, с которой мы и работали из Германии (в ней же ему помогала Люсина дочь Катя). Он был способный и энергичный человек. Последние лет 10 своей жизни (разбился в автомобильной аварии) он много занимался финансовыми делами в ущерб занятиям техникой, занимался не из жадности, а, как сам нам признался, азартно, слишком азартно – до безрассудности.

Мы с Люсей и Катей не раз вспоминали Глускина с благодарностью и сожалением.

Для взаимодействия с заказчиками работ – для определения тематики и стоимости работы, сроков её выполнения и платежей – требовалась помимо нас, двух специалистов и частных лиц, какая-то организационная форма. Мы придумали создать инженерное бюро проти-

воаварийной автоматики, названное нами «Ingenieurbüro für Antihavariäautomatik». В попытке его легализовать мы обошли несколько организаций Дрездена, в каждой нам втолковывали, что о таком впервые слышат, и советовали посетить следующую организацию. Наконец, каким-то чудом мы оказались в организации, которая ведает безработными, в Arbeitsamt. Там нам как безработным, что для нашего возраста было уже поздновато, любезная девушка за 15 минут зарегистрировала наше бюро и выдала соответствующее удостоверение. Ура, мы стали почти капиталистами: один из нас владел этим бюро и эксплуатировал труд второго. С той поры Люся, помимо профессиональной работы, вела отчётность перед финансовым ведомством относительно налогов. Кстати сказать, из-за малости доходов и налоги были малы, но отчётность требовалась, как с целой корпорации.

Люсино последнее публичное выступление на профессиональную тему состоялось в 2000 году в городе Блед (Словения), о чём рассказано в предыдущей главе.

Переезд в Берлин

Почти десять лет самостоятельной жизни и работы в Германии (с 1 января 2002 по 1 сентября 2011 года, когда исчерпались заказы) позволили нам в апреле 2006 года получить германское подданство (российское подданство сохранилось), а также 1 января 2007 года переехать из Дрездена в Берлин.

Подходя к нашему берлинскому дому, Люся часто благодарно вспоминала нашего берлинского друга Мишу Рашковского (на фото справа он и его тёща Вера в парке, куда он нас вывез на прогулку). Он жил в Берлине, а по служебным делам подолгу бывал в Дрездене, навещал нас, знал о нашем желании переехать в Берлин и решительно поддерживал его. Однако найти подходящую квартиру долго не удавалось. И однажды, выходя с прогулки из берлинского парка Tiergarten, он заметил в окне дома объявление о сдаче квартиры и сообразил, что это именно то,

что нам требуется. Об этом он сообщил нам в Дрезден и затем помог договориться с управляющей компанией. Дом был построен с помощью муниципалитета в 1985 году как один из экспонатов строительной выставки, и поэтому имелись ограничения с одной стороны о взимании платы, а с другой – к съемщикам: требовалась пожилая пара с низким доходом, но не таким всё-таки низким, чтобы для оплаты использовалась социальная помощь. Произошло чудо: квартира, которую долго не могли сдать, полностью подошла нам, а мы ей.

реехали на Кипр, ближе к семье дочери Иры.

Переезд в Берлин улучшил наше взаимодействие с миром. Профессиональные дела требовали поездок в Москву. Туда же звали родственные и дружеские связи, могилы родителей. Упростились поездки в Англию к Маше, да и просто путешествия. (Впрочем, теперь уже несколько лет для этого нет возможности.) Важное преимущество Берлина – музыкальные театры, филармония, театры-гастролёры из России, выставки, музеи.

И ещё – почти по всем специальностям имеются русскоязычные врачи. Существует большая еврейская община со своей библиотекой и любопытными встречами.

Путешествия

Хотя от наших занятий отрываться было нелегко, путешествовали многократно, Люся ещё охотнее, чем я, ленивый домосед.

Летом 1997 года, едва оказавшись в Дрездене, – первое путешествие. На предпоследние деньги, по фантастически дешёвым двум ту-

В Берлине мы познакомились и подружились с моими дальними родственниками: Галей Мацкиной и Ирой Hartung, её дочерью. Галя – старше меня, очень больная и притом поразительно мужественная, ходит с большим трудом, так что встречались мы только у них дома (на фото – визит конца 2010 года). Ира – человек исключительно деятельный, швея, организатор детского культурного центра. Два года назад она потеряла мужа Клауса, и недавно они

рам, каждый по три дня в скверных отелях, но – в Париж! Там Люся впервые увидела современную архитектуру – квартал La Defense (на фото – там у Большой арки), откуда видна потрясающая прямая перспектива до Триумфальной арки и дальше.

В июне 1998 года еврейская благотворительная организация ZWST устроила экскурсию в Израиль, и дрезденская община включила нас в состав группы. На фото видно, как Люся была довольна уже в аэропорту. На редкость выразительным получилось наше изображение на дороге к Мёртвому морю: бесприютность

На дороге к Мёртвому морю

путников на развилке дорог по пустынным холмам с начатками электрификации. И такой зной, что тело не отбрасывает тени.

В 2001 году совершили незабываемое путешествие по США, где Люся до того, в отличие от меня, не была, и я считал, что это необходимо исправить. Сначала в обществе нашей коллеги и друга из Ташкента Стеллы Гринберг и её мужа проехали из Сан-Франциско на нанятом ими автобусике в Стенфорд, Голливуд, Лас-Вегас (на фото слева Люся именно среди чудес Лас-Вегаса).

По пути мы посетили четырёх наших бывших коллег и интересно побеседовали с ними. Двое из них работали самостоятельно, другие в

крупных энергокомпаниях; они состоялись в американских условиях вполне успешно – и профессионально, и материально.

Затем мы перелетели в Нью-Йорк и там включились в автобусную экскурсию немецких туристов, с которой побывали на Ниагаре, в Филадельфии, в Вашингтоне (на фото слева Люся позирует, выйдя из Белого Дома на его парадное крыльцо) и, вернувшись опять в Нью-Йорк, откуда улетели в Германию.

Разными путями ездили к Маше в Англию (один раз сложным путём – через Амстердам и дальше на пароме по морю). Машин муж Сергей нанял 20.10.2003 катерок, и в шестером (три поколения, но без

Лены) плавали по протокам между небольшими озёрами в окрестности Нориджа. Люсе и мне тоже досталось порулить. На фото слева Люсины глаза серьёзны, на редкость распахнуты и ясны.

Несколько раз ездили осенью на Майорку и ранней весной на острова Балтики, после удаления мне желудка – максимально комфортно на Мальту, потом на Канары, два раза в Италию, в Австрию, на конференцию в словенский Бled через Зальцбург, зимой и летом с общиной в Польшу, конечно, по Германии.

Мы часто себя спрашивали, могло ли быть нечто подобное, продолжись наша прежняя жизнь?

После того, как Люся заболела, мы единственный раз, в марте 2017 года, решились на далёкий выезд из дома. С группой стариков, среди которых некоторые были довольно немощны, и многие передвигались с трудом, отправились в некое подобие дома отдыха уже упомянутой европейской организации ZWST. Решились на это потому, что нас везли под надзором и почти от двери к двери: почти – потому что автобус отправлялся от вокзала Zoo, а к нему, хоть и близко, всё-таки пришлось ехать на такси. Нас повлекла туда трусость, может быть, излишняя, боялись отправиться куда-либо самостоятельно, а смены впечатлений и освобождения от домашнего быта всё-таки хотелось.

Этот дом расположен в небольшом, богатом и уютном курортном городке Bad Kissingen (см. фото выше), и пробыли мы там две недели. Быт – как в пионерском лагере. Устроители поездки старались нас религиозно, социально и даже рукодельно развить. Да и просто им хотелось чем-то занять постояльцев: в доме не было российского телевидения, а без него наши люди чувствуют себя неприкаянными. И на фото видно, как Люся показывает шедевр, созданный ею (с моей, правда, помощью) на тему, как нам было указано, Иерусалима в процессе того, что называется workshop. А из почти 50-ти человек подходили к компьютерам с интернетом всего четверо, включая нас.

В результате усилий устроителей, а их было неприлично игнорировать, у нас оставалось

досадно мало времени на самостоятельные действия. Одно из них привело нас в кафе теннисного городка, где мы, в память о прошлых теннисных удовольствиях, побродили и отлично, хотя вовсе не кошерно,

пообедали. В пионерском лагере наш прогул обеда вызвал лёгкий переполох.

В целом, чувствовали мы себя там довольно хорошо, но близкое соседство с людьми, нездоровыми и не умеющими ограничить себя, в тесноте этого дома и, особенно, в тесноте автобуса (6 часов!) сказалось явно плохо: сразу по приезде сильно грипповали.

Трения и замирения

Люсина сестра Ира написала мне: «*Люся прожила долгую и, как мне представляется, счастливую жизнь, т.к. нашла такого верного и любящего человека, как ты. Это редко кому удается. Держись. Ирина*». На самом деле, мы вместе создавали пусть не счастье, но, по крайней мере, благополучие нашей жизни. И Люся много трудилась, сама и вместе со мной. Лишь последние годы её болезни мне пришлось всё больше дел и забот брать только на себя.

Дружба дружбой, но возникали и обиды на будто бы отсутствие понимания, сочувствия. Усталость, раздражение бытовой неурядицей прорывались, бывало, моими упрёками, как будто она, уже нездоровая, – прежняя Люся, которая только ленится поступить правильно. Моего

Берлин, дома на балконе; 2012

нимания, сочувствия. Усталость, раздражение бытовой неурядицей прорывались, бывало, моими упрёками, как будто она, уже нездоровая, – прежняя Люся, которая только ленится поступить правильно. Моего

терпения, моих сил не хватало, и тогда, к моему стыду, не удавалось сгладить её зависимость от меня, не огорчить, не обидеть её. Люся кривилась, пару раз всхлипывала – и следом размолвка. А ведь иной защиты, кроме меня, у неё не было, и моё недовольство делало её во все беззащитной.

В таких случаях, или же когда Люсе или нам обоим становилось тоскливо, страшно от беззащитности нашей старости и одинокой жизни, я звал её сесть на диван – я в угол, Люсе плотно прислониться рядом, слева от меня. (Как на фото справа, сделанном в день моего рождения, последний из проведённых с Люсей, когда мы сидели на чужом диване Люсиного прибежища, а не на нашем – дома.) Устраивал четыре ноги на пуф и укрывал пледом. Тогда я придумывал и напевал песенку, которая раскачивалась звукосочетаниями и продолжалась детскими простенькими умиротворяющими словами. Что-нибудь вроде: «Туру-туру, туру-туру / Люся славная у нас, / И не корчит она дуру, / Так как умная как раз.» И угретым становилось легче на душе, вдвоём ведь!

Иногда день, даже два усесться на диван не удавалось. Тогда Люся предлагала мириться. Я отвечал, что мы не ссорились, а просто я очень огорчён. Но тут мне становилось жалко нас, стыдно Люсиной зависимости от меня, и это было началом пути в угол дивана.

Мне не нравится зависимость людей друг от друга. Противно видеть даже зависимость собаки от её хозяина, когда она, идя рядом, вскидывает морду наверх вбок, чтобы убедиться, что никакого его недовольства или нового указания нет. А последний год-два я подмечал такой взгляд со стороны Люси, и это меня глубоко огорчало. Скажу сильнее, это приводило меня в ужас понимания того, как наша взаимная преданность равных, наше абсолютное доверие друг другу обратились её болезнью в вопиющее неравенство – её, всё более беспомощной, и меня, сравнительно с ней здорового.

Уже болея, Люся пару раз мне сказала, что не ожидала от меня, что я всё могу делать. Я не стал уточнять, что она имеет в виду: захочу ли или сумею ли. Я ответил Люсе, как говорил ещё много раз, что она

мой единственный и верный дружок, а раз так, я всё и делаю, и буду пока в силах делать, тем более что с детства обучен.

Однако уже тогда туманно рисовалось, а теперь всё яснее, что последние годы Люся была мне уже даже не дружком, а дочкой. Только, к несчастью, не той дочкой, которая всё сильнее, умелее, умнее и этим радует, пока не уйдёт в самостоятельную жизнь, а другой, которая нуждается в заботе, как и та, но постепенно слабеет и печалит, пугает уходом из жизни.

Ей предстояло уйти первой из нас, оставляя меня вторым, который своим уходом уже никого не опечалит. Всё же большое счастье, что ей, совсем беспомощной, не пришлось остаться второй.

Подбирай фотографии, я с теплотой и волнением вспомнил многих наших с Люсей друзей и интересных знакомых, вновь пережил множество обстоятельств нашей жизни. Сколько всего было! И теперь мне кажется, что мы прожили вместе очень длинную жизнь, многое сделали в ней, повидали широкий мир и старались понимать его.

К сожалению, всё это никому не удалось из наших старших и мало кому – из наших отечественных современников.

А бег времени неумолим.

На набережной Шпрее
07.08.2016